

А. А. Тарасов, А. Р. Шарипова

«ПРАВОВЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ» ЭКСПЕРТОВ И СПЕЦИАЛИСТОВ В РОССИЙСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Авторы анализируют проблемы использования так называемых правовых (или юридических) экспертиз в разных видах судопроизводства и освещают эти проблемы в специальной литературе. При единодушном признании в теории и на практике того факта, что юридические знания не являются специальными в смысле любого процессуального закона, этот вопрос в литературе освещается крайне противоречиво: все авторы сопровождают отрицание использования заключений экспертов и специалистов по правовым вопросам такими оговорками, которые сводят это отрицание на нет. Судебная практика также противоречива и существенно различается в разных отраслях правосудия: одни и те же вопросы могут как относиться, так и не относиться разными судами к числу правовых. Авторы приходят к выводу о недопустимости и вредности для правосудия постановки перед экспертами и специалистами любых правовых вопросов: они загромождают законные юридические процедуры излишними действиями и документами, что влечет удорожание правосудия. Библиогр. 4 назв.

Ключевые слова: уголовный процесс, судебная экспертиза, заключение эксперта, заключение специалиста, эксперт, специалист, доказывание.

A. A. Tarasov, A. R. Sharipova

«LEGAL CONCLUSIONS» OF EXPERTS IN THE RUSSIAN JUDICIAL PROCEEDINGS

The authors analyze the problems of using so-called legal examinations in various types of legal proceedings and research these problems in specialized literature. With the unanimous recognition, in theory and in practice, of the fact that legal knowledge is not special in the sense of any procedural law, this issue is highly controversial in the literature: all authors supply their denial of the use of expert opinions and legal experts with such reservations as to make its negation unequivocal. Judicial practice is also controversial and varies considerably in different branches of justice: the same issues may be considered by different courts as legal, or they may not apply. The authors come to the conclusion that it is inadmissible and harmful for justice to put before the experts and specialists in any legal issues: they clutter up legal procedures with excessive actions and documents and entail a rise in the cost of justice. Refs 4.

Keywords: criminal trial, judicial examination, expert's conclusion, expert, proving.

Сегодня большинство ученых, занимающихся проблемами использования специальных знаний в разных отраслях правосудия, поддерживают идею, согласно которой юридические знания не считаются «специальными» в смысле отраслевого процессуального законодательства, поскольку все профессиональные участники процессуальной деятельности — судьи, прокуроры, адвокаты, следователи и дознаватели — этими знаниями обладают.

Тарасов Александр Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, Башкирский государственный университет, Российская Федерация, 450005, Уфа, ул. Достоевского, 131; aatar@mail.ru

Шарипова Алия Рашитовна — кандидат юридических наук, доцент, Башкирский государственный университет, Российская Федерация, 450005, Уфа, ул. Достоевского, 131; Nord-wind23@mail.ru

Tarasov Aleksandr A. — Doctor of Law Sciences, Professor, Bashkir State University, 131, ul. Dostoevskogo, Ufa, 450005, Russian Federation; aatar@mail.ru

Sharipova Aliya R. — PhD in Law, Associate Professor, Bashkir State University, 131, ul. Dostoevskogo, Ufa, 450005, Russian Federation; Nord-wind23@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

Тем не менее проблема допустимости использования так называемых правовых (или юридических) экспертиз, а также заключений специалистов по правовым вопросам в уголовном, гражданском и арбитражном процессе периодически вновь поднимается в специальной литературе. В судебной практике эта проблема тоже решается по-разному: одни и те же вопросы по одним делам признаются правовыми (соответственно, ответы на них не учитываются как доказательства юридически значимых обстоятельств), а по другим — наоборот. В современной практике встречаются как случаи назначения специальных правовых экспертиз с целью толкования норм права, так и случаи постановки перед экспертами других специальностей правовых по своему содержанию вопросов. В первом варианте оценка подобных заключений экспертов как не имеющих доказательственной силы представляет меньшую трудность: при производстве таких экспертиз нет исследования в привычном экспертном понимании этого слова, поскольку работа экспертов ничем не отличается от работы всех остальных профессиональных юристов, занятых в деле. Несколько сложнее дело обстоит с оценкой таких заключений экспертов, в которых наряду с иными специальными вопросами (медицинскими, техническими, экономическими и т.д.) ставятся вопросы, имеющие правовую природу и связанные именно с юридической оценкой исследуемого события. В этом случае единое по содержанию экспертное заключение содержит как доказательственную, так и иную составляющую. Данные вопросы в разных отраслях судопроизводства тоже решаются по-разному, поэтому межотраслевой анализ общей для всего российского правосудия проблемы оказывается весьма продуктивным для выявления и решения многих теоретических и практических проблем.

Анализ авторских высказываний по обозначенной теме и судебной практики позволяет разбить общий предмет обсуждения на несколько частных: 1) допустимо ли назначение по уголовным, гражданским и арбитражным делам юридических экспертиз или получение тем или иным процессуальным способом заключений специалистов-правоведов; 2) если допустимо, то какие особенности соответствующего юридического дела обуславливают эту допустимость; 3) допустима ли постановка перед экспертами или специалистами по другим (неюридическим) специальностям правовых по своему содержанию вопросов; 4) могут ли быть использованы в качестве доказательств по уголовным, гражданским или иным судебным делам правовые заключения экспертов и специалистов в целом или в части ответов на отдельные правовые вопросы? Позиции исследователей в обозначенных частных спорах, как правило, предопределены их позицией по более общей проблеме отграничения «неправовых» специальных знаний от «правовых» в процессуальной деятельности вообще и в разных отраслях правосудия в частности.

Сложность решения этой общей проблемы порождена кажущейся простотой ее постановки. Авторы, пытаясь высказаться по ней излишне категорично, как правило, снабжают свои высказывания такими оговорками, которые нередко сводят всю категоричность на нет. Еще труднее обстоит дело с попытками выработать критерии отграничения правовых вопросов от неправовых и, более того, привести примеры того и другого в сопоставлении. Довольно часто в таких случаях авторские суждения противоречивы, а вся логическая цепочка либо грешит недосказанностью, либо заставляет автора прибегать к специальному объяснению разного рода условностей.

Схема освещения темы правовых экспертиз и заключений специалистов-правоведов у большинства авторов довольно типична. Сначала автор категорично отрицает саму возможность считать юридические знания специальными в смысле процессуального закона. Затем объясняет, что многие технические и иные подобные нормы, приобретая характер нормативно-правовых предписаний, не перестали быть предметом других (неюридических) специальностей, т.е. являются «специальными» в процессуальном смысле. Перечень этих специальностей варьируется в весьма широком диапазоне: в него попадают и правила бухгалтерского учета, и правила пожарной безопасности, и строительные нормы и правила, и налоговое законодательство, и правила дорожного движения, и правила судопроизводства, и многое другое (обычно перечень открыт). После этого автор говорит об очень непростом современном периоде развития отечественного законодательства вообще, о наличии особо сложных и спорных вопросов в отдельных его отраслях, что делает какую-то часть правовых знаний не общедоступными для всех юристов, а потому позволяет иногда обращаться за разъяснениями к известным ученым-правоведам. Затем формулируются процессуальные условия использования ответов такого рода экспертов: могут ли они считаться доказательствами по делу и что доказывается с их помощью. Подробно дискуссии на эту тему освещались нами ранее [1, с. 24–29]. Сами авторские рассуждения, разумеется, не столь стандартны, как схема их изложения, и степень их прямолинейности и обоснованности тоже различна.

Относительность границ между «правовым» и «неправовым» в институте судебной экспертизы и в различных видах судопроизводства вообще обоснованно подчеркивалась большинством исследователей практически всегда. Давнее вполне однозначное руководящее разъяснение Пленума Верховного Суда СССР в Постановлении от 16 марта 1971 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам»¹ до сих пор цитируется как не утратившее актуальности не только в специальной литературе, но и в судебных решениях. Однако при всей однозначности такой позиции Верховного Суда СССР правовые вопросы перед экспертами ставились все время действия названного Постановления, и ответы на них не так уж редко использовались для обоснования процессуальных решений. Подобная практика время от времени получала поддержку в специальной литературе.

Периодически появлялись также весьма оригинальные предложения по совершенствованию нормативно-правовых и организационных основ судебной экспертизы по уголовным делам. Например, предложение в кандидатской диссертации А. М. Ильиной 2005 г. о «признании за судебно-медицинским экспертом обязанности установления рода насильственной смерти, если это непосредственно вытекает из проведенного им исследования и касается выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию. Представляется ч. 2 ст. 204 УПК РФ необходимо дополнить: “Если вывод о роде насильственной смерти (убийство, самоубийство, несчастный случай) основанный на объективных признаках состава преступления, прямо вытекает из проводимого судебно-медицинским экспертом исследования трупа, то он должен отразить это в своем заключении” (стилистика и пунктуация оригинала со-

¹ Пункт 11: «Суды не должны допускать постановку перед экспертом правовых вопросов, как не входящих в его компетенцию (например, имело ли место хищение, либо недостача, убийство или самоубийство и т.п.)» (Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // ВВС СССР. 1971. № 2).

хранены. — А. Т. А. Ш.)» [2, с. 15–16]. Предложение это, как видим, прямо противоречит действовавшему на тот момент Постановлению Пленума Верховного Суда СССР, которое было признано утратившим силу лишь в декабре 2010 г. Однако оно логически связано с общей позицией диссертанта по поводу все возрастающей, с ее точки зрения, потребности практики в назначении правовых экспертиз, поскольку «было бы заблуждением полагать, что все субъекты, ответственные за ведение уголовного процесса, обладают исчерпывающими познаниями в области юриспруденции» [2, с. 14]. Примечательно, что в этой же диссертации постановка перед экспертом правовых вопросов справедливо сочтена «основанием выдачи сообщения о невозможности дачи заключения» [2, с. 17]. Между тем вопрос о том, было ли это убийство, самоубийство или несчастный случай, — типичный правовой вопрос, и вовсе не только потому, что на этот конкретный вопрос прямо указал Верховный Суд СССР. Приведенный вопрос — вовсе не вопрос о медицинской причине смерти (о повреждении какого-то органа, несовместимом с жизнью, о механической асфиксии вследствие чего-то, о значительной кровопотере и т. п.) или о механизме нанесения ранений (например, мог ли физически человек самостоятельно произвести такой-то выстрел из такого-то оружия в такой-то участок собственного тела), а вопрос правовой оценки исследуемого события. Ставить его перед судебно-медицинскими экспертами нельзя, и их ответ на него, если он будет дан, использовать в качестве доказательств тоже нельзя.

Применительно к вопросу об убийстве или самоубийстве Верховный Суд РФ в действующем сегодня Постановлении Пленума от 21 декабря 2010 г. № 28² на процитированном выше указании настоял; однако в целом позиция Верховного Суда РФ по вопросу о правовых знаниях в экспертных исследованиях стала заметно менее категоричной: «Постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (например, что имело место — убийство или самоубийство), как не входящих в его компетенцию, не допускается» (п. 4). Это положение при буквальном его толковании не допускает постановку перед экспертами не любых правовых вопросов, а только тех, которые связаны с юридической оценкой деяния, ставшего предметом уголовно-процессуальной деятельности по данному делу, т. е. вопросов о том, является ли это деяние преступлением, и если является, то каким. И хотя каждый вопрос, требующий ответа по уголовному делу, так или иначе связан с оценкой исследуемого события, нетрудно заметить, что процитированное положение Постановления Пленума Верховного Суда РФ формально допускает постановку перед экспертами практически любых юридических вопросов, кроме вопросов о квалификации преступления и виновности в его совершении конкретного человека, потому что последние образуют главное содержание принимаемых по уголовному делу властных решений.

Проблема «правовых экспертиз» и «правовых вопросов», поставленных перед экспертами и специалистами, характерна, как отмечалось, для всех отраслей российского правосудия. Межотраслевой сравнительно-правовой анализ позволяет выявить некоторые весьма характерные тенденции.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // БВС РФ. 2011. № 2.

Исследователи и правоприменители обычно считают «правовыми» только вопросы из, условно говоря, титульной отрасли применяемого права, на что их настраивают и постановления Пленума Верховного Суда РФ³. Приводимые в них примеры правовых вопросов (о дееспособности — применительно к гражданскому судопроизводству, о составе преступления — применительно к уголовному), а также указание на нахождение этих вопросов в исключительной компетенции суда как будто свидетельствуют о том, что «не специальными» в процессуальном смысле считаются только знания из области гражданского и гражданско-процессуального, с одной стороны, и уголовного и уголовно-процессуального права — с другой. Такой подход вызывает некоторое недоумение, если учесть, что в судебных креслах во всех случаях сидят юристы с одинаковыми дипломами о высшем юридическом образовании и такие же дипломы имеют следователи, дознаватели и прокуроры.

В Постановлении Пленума ВАС РФ от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе»⁴ примеров не приводится, здесь имеется лишь общее указание на запрет постановки вопросов права и правовых последствий оценки доказательств, а также на единственное из него исключение, касающееся установления содержания норм иностранного права (п. 8). Иными словами, арбитражные суды ориентированы на максимально широкое понимание отказа от постановки перед экспертами «вопросов права». Под «правовыми последствиями оценки доказательств» понимается содержание любых правоприменительных решений в арбитражных судах, из чего, несомненно, следует запрет ссылаться в судебных решениях на выводы каких-либо экспертов или специалистов по вопросам права.

Со сказанным согласуется и различное отношение к формированию доказательств по аналогичным делам в уголовном и арбитражном судопроизводствах. Рассмотрим для примера производства по делам о налоговых преступлениях и иных налоговых правонарушениях. Составы их различаются формой вины (только умысел в преступлениях, умысел или неосторожность — в иных правонарушениях); кроме того, криминообразующим является размер ущерба. Объективные стороны их в целом аналогичны: искажение первичных, бухгалтерских или налоговых данных, приведшее к уменьшению суммы подлежащих уплате налогов.

Однако арбитражный суд определяет правильность исчисления налогов налогоплательщиком, претендующим на отмену решения о привлечении к ответственности, и налоговым органом, настаивающим на законности этого решения, без проведения судебно-бухгалтерских, судебно-экономических и судебно-налоговых экспертиз, — так по-разному называют в науке одно и то же исследование, направленное на определение размера налоговых обязательств налогоплательщика, которое проводится по абсолютному большинству уголовных дел о налоговых преступлениях.

Первичные документы (договоры, акты, платежные поручения, накладные и многое другое), на основании которых должны исчисляться налоги, приобщают-

³ Имеются в виду Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» (БВС РФ. 2008. № 9) и от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (Российская газета. 2010. 30 дек.).

⁴ Постановление Пленума ВАС РФ от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.

ся к материалам дела (иногда составляя десятки томов), изучаются и оцениваются арбитражным судом непосредственно. Суд оперирует в решении бухгалтерскими понятиями, многостраничными арифметическими расчетами налогов, не ссылаясь на заключения эксперта; представление альтернативных расчетов зачастую и составляет процесс доказывания и «спора». Но судья по уголовному делу, который является таким же юристом, как и судья арбитражного суда, вместо всего этого назначает судебную экспертизу (экономическую, бухгалтерскую или налоговую, а иногда даже несколько). Так же поступают в досудебном производстве следователи и дознаватели. К такой ситуации в уголовном процессе привыкли, и теоретики уголовного процесса разрабатывают особые правила назначения названных экспертиз, анализируют сходства и различия между ними. Между тем и правила бухгалтерского учета, и налоговое законодательство — это совокупность нормативно-правовых предписаний, которые, хотя и имеют под собою экономическую основу, но все же являются прежде всего нормами права. В судебной арбитражной практике встречаются единичные попытки судей назначить бухгалтерскую экспертизу первичных документов для оценки правильности исчисления налогов. Однако во всех встретившихся нам случаях они приводили к отмене соответствующих судебных актов с абсолютно определенным указанием на то, что вопрос исчисления налогов относится к правовым⁵.

Для уголовного судопроизводства в целом даже на уровне теории характерно сведение собственных профессиональных знаний лиц, ответственных за производство по делу, исключительно к уголовному праву и уголовному процессу. К числу «специальных знаний» в уголовно-процессуальном смысле авторы относят не только знания правил бухгалтерского учета, строительных правил, правил пожарной безопасности [3, с. 103], которые в юридических вузах специально не изучают, но и знания в области гражданского, финансового, налогового права [4, с. 297]. Эти дисциплины в юридических вузах изучают в том или ином объеме все студенты, курсанты и слушатели, и диплом о высшем образовании по специальности «Юриспруденция», наличие которого является обязательным условием для назначения на должности не только судей, прокуроров и следователей, но и дознавателей, и даже участковых уполномоченных, подтверждает наличие знаний по названным дисциплинам. В. А. Лазарева допускает получение «заклучений ученых» по сложным вопросам названных отраслей права, но среди таковых называет вопросы «о разъяснении, например, таких понятий, как “предпринимательская деятельность”, “доход от предпринимательской деятельности”, “имущество”)» [4, с. 297]. Понятно, что такие примеры «сложных вопросов» тут же вызвали критику [3, с. 105]. Перечисленные вопросы, помимо того что они очевидно правовые, к числу узких, особо сложных или дискуссионных не относятся и никогда не относились. Все они входят в вузовскую программу по дисциплине «Гражданское право», которая изучается всеми студентами независимо от специализации.

В. А. Лазарева допускает при производстве по уголовным делам получение «заклучений ученых по сложным вопросам уголовного и уголовно-процессуального права [4, с. 298], которые образуют основной предмет собственной профессиональ-

⁵ См., напр.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24 августа 2016 г., дело № А36-5003/2015 (здесь и далее судебная практика приводится по СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.09.2017)).

ной деятельности всех официальных лиц в уголовном судопроизводстве и всех адвокатов, занятых в нем.

Неясно, случайно ли это, но В. А. Лазарева во всех случаях упоминания о «заключениях ученых» по правовым вопросам избегает терминов «заключение эксперта» и «экспертиза», хотя пишет об этом в параграфе, названном «Понятие и значение заключения эксперта». Дело в том, что получение заключений подобного рода и их последующее использование в уголовно-процессуальной деятельности плохо согласуются с теоретическими и процессуально-правовыми основами назначения и производства экспертизы.

С такими же трудностями сталкивался, на наш взгляд, и Ю. К. Орлов, предлагавший особые правила изложения выводов экспертов по результатам экспертиз в тех областях специальных знаний, которые граничат с правовыми: эксперты должны избегать формулировок о нарушении кем-то каких-то правил, поскольку эти вопросы — правовые. Эксперты, по его мнению, должны говорить лишь о несоответствии каких-то действий каким-то правилам [3, с. 103]. Судебная практика по уголовным делам в части экспертных ответов на вопросы, связанные с соблюдением лицами каких-либо специальных правил, противоречива: разными судами сходные вопросы и ответы на них могут оцениваться и как правовые, и как неправовые. Так, Липецкий областной суд счел допустимым поставленный перед экспертами, проводившими автотехническую экспертизу, вопрос о том, как должен был действовать любой водитель в сложившейся ситуации в соответствии с Правилами дорожного движения. Кассационная инстанция, таким образом, не согласилась с выводом суда первой инстанции о правовом характере данного вопроса: эксперты говорили о подходящих действиях любого водителя вообще, не называя фамилии подсудимого, тогда как вопрос о виновности либо невиновности именно этого подсудимого относится к исключительной компетенции суда⁶. В другом случае суды первой и апелляционной инстанций в Чукотском автономном округе согласились с мнением эксперта-бухгалтера, отказавшегося отвечать в заключении на вопрос о причиненном ущербе по уголовному делу в связи с тем, что он счел этот вопрос правовым и отнесенным к исключительной компетенции следователя и суда⁷. Ленинский районный суд г. Красноярск признал недопустимой постановку следователем перед экспертом-бухгалтером правового вопроса о характере и размере реального ущерба, причиненного юридическому лицу, но не признал недопустимым заключение эксперта в части ответа на этот вопрос в связи со следующим: «Как следует из приведенного экспертами подробного расчета суммы реального ущерба, указанный ущерб определен как сумма, на которую необоснованно уменьшились активы ОАО «АСК Тесь» в результате совершения указанных сделок, что не исключает проверки указанного расчета судом и использования данного показателя в качестве доказательства по уголовному делу»⁸. Иными словами, по мнению суда, ответ экспертов дан на правовой вопрос, но использовать его в ка-

⁶ Кассационное определение Липецкого областного суда от 15 февраля 2011 г. по уголовному делу № 22-157/2011.

⁷ Апелляционное определение суда Чукотского автономного округа от 25 февраля 2014 г., дело № 22-8/2014, 1-55/2013.

⁸ Приговор Ленинского районного суда г. Красноярск от 21 декабря 2015 г. по уголовному делу по обвинению Горшкова О. В., Родионова В. Г., Панченко Г. В.

честве доказательства можно, поскольку суд правильность этого ответа проверит сам. Последний аргумент не очень понятен, ибо суд вообще обязан проверять все доказательства по делу, в том числе все заключения экспертов.

В приведенных примерах речь шла об автотехнической и судебно-бухгалтерских экспертизах, по результатам которых были сделаны спорные выводы (о правовом или неправовом характере вопроса). Ю. К. Орлов допускал, что в современной практике, для которой характерны нестабильность и «расконцентрированность» законодательства, а также изобилие бланкетных норм, правоприменитель вынужден иногда назначать правовые экспертизы и ставить перед узкими специалистами вопросы, выходящие за рамки обычной юридической подготовки. Однако предмет правовой (юридической) экспертизы, если она будет признана, он считал только вопрос о том, какой закон и подзаконные акты подлежат применению в данном деле [3, с. 105].

В разном контекстном оформлении все авторы утверждают, что заключения экспертов-юристов по правовым вопросам не являются доказательствами по уголовному делу [4, с. 298] и на них нельзя ссылаться в процессуальных документах для обоснования юридически значимых выводов по нему [3, с. 105]. Однако если это так, то едва ли можно вообще считать собственно «назначением экспертизы по уголовному делу» действия следователя (дознателя) или судьи, нацеленные на повышение собственного образовательного уровня в области юриспруденции. Если в результате экспертизы, проводимой учеными-юристами, не собираются доказательства, получение подобных «заключений ученых» (или пусть даже «заключений экспертов») должно осуществляться не по правилам гл. 27 УПК РФ «Производство судебной экспертизы»; но никаких других правил для подобного рода обращений следователей, дознавателей и судей, рассматривающих уголовные дела, в уголовном процессе не существует. Не существует их и в других отраслях процессуального права, в которых отсутствует досудебное производство. Важно, на наш взгляд, совсем не то, можно ли назначать правовые экспертизы по любым судебным делам, равно как и ставить перед экспертами и специалистами правовые вопросы в принципе. Субъект, в чьем производстве находится уголовное или гражданское дело, никак не ограничен законом в реализации права производить любые предусмотренные законом процессуальные действия, и тем более никакой закон не может ограничить кого бы то ни было в возможностях получать знания, полезные на службе или в быту. Теоретическое и практическое значение имеет вопрос о доказательственном значении такого заключения в целом или в части ответов на правовые вопросы.

Заключение эксперта в смысле п. 3 ч. 2 ст. 74 и ч. 1 ст. 80 УПК РФ — это письменный документ, в котором содержатся сведения, на основании которых субъект, назначивший экспертизу, устанавливает обстоятельства, подлежащие доказыванию по этому уголовному делу. Заключение специалиста (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 и ч. 3 ст. 80 УПК РФ) при всех процессуальных отличиях, достаточно подробно описанных в литературе, в плане доказательственного значения аналогично заключению эксперта — с его помощью устанавливаются юридически значимые обстоятельства и по уголовным, и по гражданским делам, и по экономическим спорам в арбитражных судах. Разъяснение вопросов права (пусть даже самое квалифицированное, пусть даже по самым узким и спорным вопросам) в любом случае не есть средство

установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному или гражданскому делу. Однако если заключение эксперта по правовым вопросам не является доказательством, в какой мере на его получение распространяются правила доказывания, предусмотренные всеми процессуальными кодексами? И если оно не является доказательством по делу, то в каком процессуальном качестве этот документ попадает в соответствующее уголовное или гражданское дело?

Отвечать на эти вопросы можно по-разному. Не все доказательства по уголовному, а равно и по любому другому судебному делу имеют непосредственную связь с предметом доказывания по этому делу, а значит, не все они непосредственно позволяют устанавливать значимые для него обстоятельства. С помощью экспертных исследований можно, например, оценивать другие доказательства. Так, установив пороки восприятия и воспроизведения образов памяти основного свидетеля по делу (из-за слабого зрения, слуха, слабоумия или склонности ребенка к фантазированию и т. п.), можно поставить под сомнение данные им показания, а значит, и доказанность соответствующих юридически значимых обстоятельств. В описанном случае экспертиза назначается по общим правилам назначения экспертиз с участием обеих сторон и заключение эксперта оценивается в совокупности с другими доказательствами, с которыми оно имеет не только равную юридическую силу, но и одинаковую информационную природу. У подобного рода экспертиз — иное качество, нежели у правовых: используемые при их производстве специальные знания не подменяют специальных (юридических) знаний самого властвующего субъекта, отвечающего за производство по делу и за принятые по нему юридически значимые властные решения.

Обращение к другим юристам за разного рода «заключениями» преследует принципиально иные цели, нежели собирание доказательств по делу. Эти цели не имеют никакого отношения к задачам собственно правосудия, равно как и мотивы, по которым разные юристы, наделенные и не наделенные властными полномочиями, назначают правовые экспертизы или ходатайствуют об их назначении. Назовем некоторые из таких мотивов.

Во-первых, это уже отмеченное стремление практических работников пополнить собственный запас юридических знаний, которые по тем или иным причинам не были приобретены во время обучения и которые по столь же разнообразным причинам человек с высшим юридическим образованием не способен приобрести сейчас, т. е. как раз в то время, когда его образование проверяется на прочность реальной жизнью.

Во-вторых, это резко раскритикованное в специальной литературе стремление переложить ответственность за принятие решения по делу и за его обоснование на кого-то другого. Юридическая несостоятельность попыток такого рода очевидна — никто не будет возлагать официальную ответственность за принятое решение ни на кого, кроме того, кто его принял, поставив подпись под соответствующим процессуальным документом. Ссылка в приговоре на заключение эксперта-правоведа не заменит содержательной мотивировки этого приговора; «подсказанный» экспертом выбор нормативно-правового акта, подлежащего применению в конкретном случае, потребует содержательного обоснования этого выбора также без ссылки на заключение эксперта. Поэтому, как бы кто ни относился к возможности и допустимости производства правовых экспертиз, никакой самостоятельной роли они ни в системе

доказательств по делу, ни в системе доводов, аргументирующих правовую позицию, отраженную в каком-либо процессуальном документе, не играют.

В-третьих, это попытка «подкрепить» собственную правовую позицию ссылкой на авторитетное мнение, при которой в состязательном процессе соперничают не только собственно юридические аргументы, но и регалии конкретных людей, сформулировавших эти аргументы или просто подписавших заключение. Понятно, что в юридическом смысле регалии (ученые степени и ученые звания, должности в образовательных и научных учреждениях, почетные звания регионального и федерального значения и т. п.) никакого самостоятельного веса не имеют и далеко не всегда свидетельствуют о более высоком профессиональном качестве аргументации выводов по поставленным вопросам.

У адвокатов — защитников и представителей — помимо названных есть еще один мотив, сугубо «адвокатский»: продемонстрировать своему доверителю, насколько сложное дело ведет адвокат и к каким нестандартным и трудоемким мерам он вынужден прибегать для оказания качественной юридической помощи. На уровне житейских представлений регалии специалистов, к которым такой адвокат обращается, тоже придают особый вес его профессиональной репутации. Говоря об адвокатах, важно отметить еще одну особенность: выплата вознаграждения привлекаемым экспертам и специалистам осуществляется из средств доверителя, который в отличие от государственного бюджета готов оплачивать и представлять в дело только те заключения, которые поддерживают выгодную для него правовую позицию.

В гражданском и арбитражном процессе представление правовых заключений экспертов и специалистов, во-первых, встречается заметно реже, чем в уголовном, во-вторых, осуществляется сторонами за их собственный счет. Поэтому истцы и ответчики в подобных случаях только увеличивают количество дополнительной работы судов по исследованию в судебном заседании этих заключений и по обоснованию в текстах решений их отклонения или принятия. В уголовном процессе это явление отличается особыми масштабами и разнообразием и не кажется абсолютно безобидным. Попытки следователей и дознавателей, а иногда и судей переложить на экспертов решение вопросов, входящих в их собственную компетенцию (о незаконности действий, совершении противоправных действий конкретным лицом, наличии вины и ее форме, достаточности доказательств для установления какого-то обстоятельства и т. п.), нередко порождают цепную реакцию действий других участников процесса. Наличие в деле заключения, подтверждающего позицию стороны обвинения, провоцирует адвокатов, участвующих в деле в качестве защитников, а нередко и представителей потерпевших, не согласных с государственным обвинением, на представление подобных же заключений в пользу своих подзащитных или представляемых.

На кафедры Института права Башкирского государственного университета, который представляют авторы настоящей статьи, в последние годы регулярно обращаются следователи и дознаватели разных подразделений города Уфы с официальными требованиями предоставить им специалистов по различным правовым вопросам, а также адвокаты из разных регионов России с просьбами подготовить заключения по таким же правовым вопросам. Случаи подобного рода с приведением текстов конкретных обращений нами подробно проанализированы в прежних публикациях [1, с. 114–118]. В контексте настоящей статьи обратим внимание

на содержание таких вопросов: о разграничении трудового контракта и договора гражданско-правового характера; о том, входили ли конкретные полномочия в круг должностных полномочий органов управления юридического лица; о том, является ли конкретная сделка крупной и распространяются ли на нее правила совершения крупных сделок, и т. д. Вопросы гражданского и трудового права, поставленные следователями, не предполагают никаких специальных исследований и не относятся к числу дискуссионных; ответы на них содержатся в соответствующих кодексах и учредительных документах юридических лиц. Обращение за «заключением специалиста» предполагает реализацию властных полномочий и негативные процессуальные последствия в случае отказа от исполнения обязанностей специалиста иначе, как по мотиву некомпетентности в поставленных вопросах (такой мотив, предусмотренный в ст. 58 УПК РФ, в данном случае априори исключается). Назначение экспертизы следователем предполагает выплату эксперту вознаграждения за счет федерального бюджета. Для обоих видов процессуальных действий требуются достаточные основания. На вопрос о том, чем вызвано обращение за подобным рода заключением по вопросам, по которым каждый следователь сам проходил профессиональную подготовку, один следователь — автор запроса сообщил, что таково требование прокурора, отказывающегося утверждать обвинительное заключение без приобщения к делу запрашиваемого документа. Собственные мотивы прокурор объясняет обычно тем, что адвокаты аналогичное заключение представили или обязательно представляют, а у государственного обвинения должна быть равноценно обоснованная позиция.

Адвокаты в долгу не остаются. Адвокат из соседнего региона в своем обращении просил подготовить заключение о том, являются ли допустимыми доказательствами протокол обыска жилого помещения и надворных построек, а также изъятые в ходе его производства предметы при наличии перечисленных в письме и подтвержденных прилагаемыми скан-копиями процессуальных документов нарушений уголовно-процессуального закона. Этот вопрос тем более не требует никаких исследований, и мнение любого другого специалиста по нему не будет иметь большей ценности, нежели мнение самого этого адвоката. Адвокат собирался рассчитывать за это заключение деньгами своего доверителя.

Полагаем, что вред от такого «состязания заключений» очевиден: стоимость уголовного, да и любого другого вида судебного процесса необоснованно и значительно возрастает, а активность обеих состязającychся сторон провоцирует ответные действия, лишённые юридического содержания, но очевидно загромаждающие законные процедуры. Увлекаясь этим состязанием, стороны склонны ставить перед экспертами не только правовые, но и такие вопросы, на которые уважающему себя профессионалу ответить практически невозможно. В опубликованной Справке Пермского краевого суда⁹ отмечено: «Судом не должны ставиться вопросы, выходящие за рамки компетенции эксперта, а также вопросы правового характера или служить предметом научных (околонаучных) дискуссий: “причина кошмарных снов и их влияние на поведение в криминальной ситуации”, “влияние сильной жары (грозы) в день преступления”, “могло ли повлиять на поведение ис-

⁹ Справка Пермского краевого суда от 25 июня 2007 г. «По результатам обобщения судебной практики по применению судами Пермского края положений ГПК РФ, касающихся порядка назначения и оплаты судебных экспертиз».

пытуемого его участие в боевых действиях в Афганистане и перенесенное в связи с этим нервное потрясение” и т.п.».

Сформулируем краткие выводы.

1. Вопрос о допустимости постановки перед экспертами и специалистами правовых вопросов и использования в доказывании в разных видах судопроизводства заключений экспертов и специалистов по правовым вопросам сохраняет теоретическую и практическую актуальность, несмотря на единодушие в теории и на практике по вопросу о том, что юридические знания не считаются специальными в процессуальном смысле.
2. Практика использования выводов экспертов и суждений специалистов по правовым вопросам в доказывании юридически значимых обстоятельств судебных дел и в обосновании властных решений по делам противоречива и существенно разнится в зависимости от отрасли правосудия.
3. В правоприменительной практике в разных отраслях правосудия не считают бесспорно «специальными» в процессуальном смысле лишь те знания, которые относятся к «титульным» отраслям права: для уголовного судопроизводства — по уголовному и уголовно-процессуальному праву, для гражданского и арбитражного судопроизводства — по гражданскому, гражданскому процессуальному и арбитражному процессуальному соответственно. Это едва ли правильно, поскольку все эти знания — юридические, и ими по закону обязаны обладать все профессиональные участники всех видов судопроизводства.
4. Мотивы, по которым стороны в процессах ставят перед экспертами и специалистами правовые вопросы, а заключения экспертов и специалистов по правовым вопросам предлагают использовать в качестве доказательств, не имеют отношения к задачам собственно правосудия. Такие заключения загромаждают судебные дела и влекут необоснованное удорожание правоприменительной деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и судов.

Литература

1. Тарасов А. А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 128 с.
2. Ильина А. М. Обязательное использование специальных познаний в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 28 с.
3. Орлов Ю. К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве: научно-учебное пособие. М.: Проспект, 2017. 216 с.
4. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2016. 359 с.

Для цитирования: Тарасов А. А., Шарипова А. Р. «Правовые заключения» экспертов и специалистов в российском судопроизводстве // Вестник СПбГУ. Право. 2017. Т. 8. Вып. 4. С. 430–442. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2017.405>

References

1. Tarasov A. A. *Ekspert i spetsialist v ugovolnom protsesse Rossii: monografiia* [Expert and specialist in criminal trial of Russia: monograph]. 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 128 p. (In Russian)

2. Il'ina A. M. *Obiazatel'noe ispol'zovanie spetsial'nykh poznanii v ugovnom protsesse*. [Mandatory use of special knowledge in the criminal process]. Thesis of PhD. Ekaterinburg, 2005. 28 p. (In Russian)

3. Orlov Yu. K. *Sovremennye problemy dokazyvaniia i ispol'zovaniia spetsial'nykh znanii v ugovnom sudoproizvodstve* [Modern problems of proof and use of special knowledge in criminal proceedings]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 216 p. (In Russian)

4. Lazareva V. A. *Dokazyvanie v ugovnom protsesse: uchebnik dlia bakalavriata i magistratury* [Proving in criminal proceedings]. 5th ed. Moscow, Iurait Publ., 2016. 359 p. (In Russian)

For citation: Tarasov A. A., Sharipova A. R. "Legal conclusions" of experts in the Russian judicial proceedings. *Vestnik SPbSU. Law*, 2017, vol. 8, issue 4, pp. 430–442. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2017.405>

Статья поступила в редакцию 7 июля 2017 г.,
рекомендована к печати 29 августа 2017 г.